

CHARACTERISTIC FEATURES OF A DEMOCRATIC TRANSIT ON POST-SOVIET SPACE

Kornaukhova K.M. (Russian Federation)
Email: Kornaukhova510@scientifictext.ru

*Kornaukhova Ksenia Mikhailovna - bachelor,
DEPARTMENT OF COMPARATIVE POLITICAL SCIENCE,
FACULTY OF MANAGEMENT AND POLITICS,
MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS,
Deputy assistant,
MOSCOW*

Abstract: *the article deals with the process of political transformation in the post-Soviet countries. The author points out that after the collapse of the Soviet Union, the formation of new political systems began in such states. This process was heterogeneous and was reflected in two trends, which are comprehensively analyzed in the work. The author emphasizes the uniqueness of political transit in the post-communist space. The article discusses the research of domestic and foreign experts on this issue.*

Keywords: *democratic transit, political system, pluralism, transformation, post-Soviet space, concept.*

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ Корнаухова К.М. (Российская Федерация)

*Корнаухова Ксения Михайловна – бакалавр,
кафедра сравнительной политологии, факультет управления и политики,
Московский государственный институт международных отношений,
помощник депутата,
г. Москва*

Аннотация: *в статье идёт речь о процессе политической трансформации в странах постсоветского пространства. Автор указывает на то, что после распада Советского Союза, в таких государствах началось формирование новых политических систем. Данный процесс был неоднородным и отразился в двух тенденциях, которые всесторонне анализируются в работе. Автор подчёркивает уникальность политического транзита на посткоммунистическом пространстве. В статье рассматриваются исследования отечественных и зарубежных специалистов по этой проблеме.*

Ключевые слова: *демократический транзит, политическая система, плюрализм, трансформация, постсоветское пространство, концепция.*

После распада СССР в странах постсоветского пространства начинается формирование новых политических систем. На протяжении 1990-х годов стала очевидной неоднородность данного процесса, выразившаяся в появлении двух разнонаправленных тенденций: а) на формирование более плюралистичного, демократического строя; б) на легитимацию неоавторитарного режима, ограничение политического плюрализма. Борьба этих тенденций в разных странах завершилась по-разному ввиду наличия ряда факторов. Один из полюсов заняли страны Европы и Балтии, на другом расположились страны Средней Азии.

Демократический транзит на посткоммунистическом пространстве представляет собой уникальный политический процесс ввиду многопланового характера происходивших изменений, которые наблюдались не только в политической, но также и в экономической, социальной, культурной сферах.

Комплексность данного явления в полной мере сказалась на многообразии вариантов трансформации политических режимов в странах региона. Специфика политической жизни постсоветских государств нередко характеризовалась нестабильностью институтов власти, отсутствием последовательной программы по построению демократического государства и неоднозначностью индикаторов определения степени «успешности демократии» в той или иной стране. В совокупности это привело политологов к осознанию необходимости дополнить первоначальную транзитологическую теорию. При этом традиционная схема транзита, заложенная С. Хантингтоном и его коллегами, продолжала оставаться базовой частью научного дискурса, как и ряд введенных ею терминов транзитологии.

К концу 1990-х годов многими исследователями начали подмечаться признаки торможения процессов «консолидации демократии» и общей неоднозначности в определении степени реальной демократичности многих переходных режимов. Произошло увеличение числа стран, которые, формально обладая демократическими институтами (система выборов, декларируемая защита прав человека и т.д.), при этом сохраняют и отчетливые атрибуты авторитарных систем (давление на СМИ, отсутствие реальной политической конкуренции и т.п.). Проблема изучения этого феномена является в настоящее время одной из главных задач транзитологии. Для обозначения подобных стран политологами вводились термины «фасадной демократии», «серых зон», «виртуальной демократии» и т.д.

Автоматический перенос методов и опыта трансформации политических режимов иностранных государств на национальную почву без учета

местной специфики, исторического опыта, особенностей социальной структуры и отношений нередко дает обратный эффект. Переход общества в качественно новое состояние закономерно связан с кардинальными изменениями в экономике, политике и управлении. На начальном этапе эти изменения сопровождаются перестраиванием структуры социума и формированием внутри него новых общественно-политических связей. Украинским обществом заимствованы новые формы организации власти, новый тип парламента, институт президентства, Конституционный Суд. Эти политические институты являются эффективными формами организации власти в развитых демократических странах. Без стабильных политических структур, способных обеспечить объединение и мобилизацию граждан на выполнение программ реформирования общества, без развитых форм гражданского участия построение успешно функционирующего демократического государства невозможно.

К началу XXI века в постсоветских странах были созданы теории, связанные с культурно - историческим своеобразием того или иного народа и обосновывавшие ту или иную форму политического развития исторической традицией, национальным менталитетом, культурным наследием[7,106]. В частности, российский научный контекст породил концепты «умеренной демократии», «суверенной демократии», которые выводили современные особенности политического развития страны из ее исторического опыта. Они доказывали, что демократий может быть столько, сколько и стран, поэтому российская демократия не может повторять американскую, украинскую и т. д. В Беларуси утвердился подход, согласно которому переход от социалистической демократии к современной (суверенной в белорусском варианте) совершился[1,43]. Стремление к самостоятельному освоению и пониманию демократического транзита вело к попыткам упорядочить транзитологический дискурс этих стран[3,23].

Постсоветская трансформация, согласно концепции Л. Титаренко, осуществлялась по противоречивым и многомерным траекториям развития[11,97]. Многие политики этого региона пошли по пути укрепления властного аппарата вместо оформления демократических институтов, при этом обе тенденции часто сталкивались и порождали политические конфликты. Одним из первых исследователей, обративших внимание на то, что в странах постсоветского мира присутствуют примеры как поступательного движения к демократии, так и примеры обратного перехода к авторитарным режимам, стал М. Буравой[15]. По его мнению, это объяснялось проблемами, возникавшими в связи с частой неспособностью переходных режимов успешно трансформировать прежнюю социально-экономическую систему, что приводило к падению уровня жизни основных слоев населения. С. Бульбенюк отмечает, что широкие массы населения в таких условиях могут разочаровываться в

перспективах дальнейшей модернизации и позитивнее относиться к опыту предшествующего режима (феномен «авторитарной ностальгии»)[2,62].

Проводя анализ специфических черт демократического транзита постсоветских стран, некоторые исследователи (в частности, М. Макфол) пришли к выводу о кардинальном отличии данного процесса от аналогичных примеров «третьей волны» демократизации в других регионах мира. При этом выведенные различия виделись им настолько существенными, что давали основание для выделения «посткоммунистической» политической трансформации в особую категорию в рамках транзитологического дискурса. М. Макфол в своем исследовании обращает внимание на характерные особенности постсоветской трансформации, которые не присутствовали у других вариантов трансформации. Прежде всего, это начальный этап трансформационного периода, когда после провозглашения своего стремления к демократизации политические акторы вырабатывают пути реализации этой цели и параллельно стремятся гарантировать свои собственные интересы. Во многих случаях успешных (южноевропейских и латиноамериканских) демократизаций выход из политического тупика обеспечивала не победа одной из противоборствующих политических сил, а оформление своего рода пакта, устанавливающего новые правила политической жизни страны в демократическом, правовом поле и предоставлявших определенные гарантии всем политическим акторам. Вслед за принятием такого компромиссного соглашения становилось возможным проведение свободных и конкурентных выборов новой власти. Институционализация демократических процедур и, главное, легальная и легитимная смена политической власти закладывали необходимые основы для потенциально возможной консолидации демократии. В случае же со странами посткоммунистической группы М. Макфол обратил внимание на неспособность ведущих политических сил достичь подобного компромиссного «пакта». В значительной части посткоммунистических стран подобные соглашения либо с самого начала не стояли на повестке дня, либо нарушались политическими акторами, что вело к затягиванию неконструктивной борьбы за власть и ведению ее недемократическими (административными, криминальными, силовыми) методами[16,6].

Другой особенностью посткоммунистических трансформаций, отмеченной М. Макфолом, являлась необходимость одновременного преобразования, как политической, так и экономической систем. Кризис авторитарных режимов в постсоветских странах оказывался усугублен экономической несостоятельностью модели полностью огосударственной экономики, а ее трансформация требовала эффективного привлечения значительного количества ресурсов и оперативного реагирования на кризисные явления переходного периода. В результате, если демократизирующемуся режиму не удавалось в ближайшей перспективе

справиться с экономическими вызовами и обеспечить рост уровня жизни населения, то это могло привести к массовому разочарованию широких слоев населения в идеях демократии и росту политической индифферентности. Кроме того, к прочим особенностям сугубо постсоветских трансформаций можно отнести всплеск этнонационализма, отсутствие либо аморфность гражданского общества и т. д.

При схожих стартовых условиях, особенно по части политических институтов, посткоммунистические страны пришли к самым разным итогам своей политической трансформации 1990-х годов. На условной шкале политических режимов они заняли широкий диапазон, включающий как полноценные представительные демократии, так и авторитарные режимы нового типа, с обилием промежуточных вариантов в лице неуверенных и незавершенных попыток демократической консолидации и режимов, стабилизировавшихся в «серой зоне» демократии.

К исследователям, выступавшим в поддержку идеи о том, что страны постсоветского пространства, которые не сумели перейти к консолидированной демократии, следует рассматривать в качестве особого типа политических режимов, принадлежат также С. Левитски и Л. Уэй. В своем выполненном в соавторстве исследовании они описывали данные режимы как «соревновательный авторитаризм»[17]. Этот термин трактовался как «гражданские режимы, в которых существуют формальные демократические процедуры, но которые при этом не являются демократическими в результате того, что политическое поле сильно искажено в пользу находящихся у власти лиц».

М. Оттауэй использовала для обозначения этих же режимов термин «полуавторитаризм», под которым ею подразумевалась особая, альтернативная демократии система власти, а не просто режим, находящийся в стадии незавершенной демократической трансформации[18].

Особое видение теоретического эскиза изменений в постсоветском пространстве предлагает В. Гельман[5,82]. Он классифицирует современную транзитологию, разделяя ее на три группы. Первая акцентирует внимание на особенностях многогранного перехода в странах Восточной Европы и пост-СССР, отличающихся от стартовых условий демократизации в Латинской Америке и Южной Европе. Второй вектор фокусируется на своеобразии российской культуры и истории, обуславливающих своеобразие рассмотрения транзита в этой стране, третий вектор фокусируется на роли государства в переходе.

И. Чайко пишет о том, что положительным транзитологическим потенциалом может обладать политологический анализ, осуществляемый в широком культурно-историческом контексте и предполагающий осмысление политической реальности в терминах веберовской концепции патримониализма[14,131]. Данная концепция применяется Вебером к

ситуации разложения патриархального типа господства, когда децентрализация хозяйства приводит к некоторой зависимости руководителя от подданных. Однако Вебер данную концепцию применял больше в политическом смысле, под «патримониальным» понимая такой тип политического господства, в котором лидер осуществляет власть как патриархальный руководитель, а в стране существуют не принадлежащие правителю хозяйственные единицы, и люди, не зависящие прямо от воли лидера[9,106].

Политологи В. Меркель и А. Круассан сформулировали концепт «демократии с дефектами», в рамках которого наличие демократических институтов само по себе не защищает граждан, этот концепт делит транзитные режимы на три направления. Первое - это «демократия с исключениями», где большие сегменты популяции лишены возможности участия в политике из-за расовой, социальной, иной сегрегации. Второе - «демократия с анклавами», где ряд аспектов государственной жизни не принадлежат демократическому воздействию. Например, в государстве с демократическими институтами может существовать неподконтрольная воздействию демократических институтов тайная полиция, осуществляющая политические репрессии. Также хорошим примером здесь может служить существование на территории в целом демократического государства автономного региона с авторитарными признаками (несменяемость власти, давление на СМИ и правозащитные организации и т.д.). Наконец, в третье направление Меркель и Круассан выделяли «несбалансированную демократию», то есть страны, в политической системе которых присутствует выраженное доминирование одной из ветвей власти над прочими[8,6].

В. Е. Федоринов в рамках исследования процессов перехода в постсоветском пространстве выдвигает концепт «локальной демократии», каковая предполагает сотрудничество местных властей с частными структурами. Его актуальность автор обосновывает рядом тезисов. Так, он доказывал, что условием и инструментом формирования консолидированной демократии в первую очередь является демократия локальная[12,57]. Эффективное функционирование локальной демократии в системе регионального управления может стать гарантом реализации интересов граждан и ограничением излишнего давления со стороны центральной власти, служа таким образом одним из звеньев системы «сдержек и противовесов». Для успешного становления локальной демократии в переходных обществах необходимо наличие ряда способствующих факторов – как нормативных, так и политических. Нормативные факторы – это, прежде всего, демократическое законодательство, пакет нормативно-правовых актов, регламентирующий переходные процессы в системе политических институтов государства. Политическими факторами становления локальной демократии могут

выступать: а – наличие институционализированной политической силы, заинтересованной в демократическом транзите; б – наличие жесткого внешнего политического контроля над страной со стороны структур, заинтересованных в становлении демократии в стране. Здесь в качестве примера можно привести международное участие в реформировании политической системы Боснии и Герцеговины после заключения Дейтонских соглашений 1995 года.

Рассматривая в связи с этим опыт трансформации политических стран Центрально-Восточной Европы, можно вывести наблюдение о том, что эффективность локальной демократии в значительной мере определяется степенью развитости гражданского общества, которое поддерживает ценности кооперации и взаимопомощи, обладает инструментами артикуляции интересов, учитывает как собственный исторический опыт, так и тенденции мировой политической культуры. Андрей Хазов рассматривает политические переходы в постсоветской России и приходит к выводу, что «в России имеет место авторитарно-демократическое переходное состояние политического режима с ярко выраженной тенденцией усиления авторитаризма, обусловленной сохранением старых недемократических и применением новых демократических методов осуществления государственной власти, что позволяет говорить об амбивалентности (двойственности) политического режима»[13,48].

Можно также выделить в региональной транзитологии работу А. Давыдова «Сербский мир»[5,54]. Автор проводит компаративный анализ советского и югославского социалистического государственных и общественных устройств, после чего исследует процесс деконструкции Югославии. Исследователь пишет о том, что крах государств и трудности со становлением демократических институций в изученных регионах обусловлен оторванностью от реальности царивших там идеологических концепций и неспособностью местных интеллектуальных классов адекватно оценить перспективы радикальных политических перемен в их государствах.

Подводя итоги рассмотрения классификации постсоциалистических политических режимов, можно выделить три устойчивых макрорегиона: бывшая Югославия, страны ОВД и постсоветское пространство. При этом демократизация некоторых республик бывшей Югославии схожа с аналогичными процессами в Чехии и Румынии, а механизм превращения демократизации в гражданскую войну для постсоциалистического пространства един. Далее важно отметить, что и выделенные нами регионы также имеют определенное деление, в каждом конкретном случае имеющее свои основания. Так, в бывшей Югославии можно относительно четко разделить «север» и «юг». На юге более жестко проявился феномен участия албанцев в политических процессах – албанский фактор играет большую роль в политической жизни Сербии, Черногории и Македонии,

причем в 2001 году последняя вела полноценные боевые действия против албанских сепаратистов. Север же Югославии проявил относительно корректные и демократичные способы создания демократий: Словения сумела избежать массового кровопролития, Хорватия вела борьбу за свою территориальную целостность. В то же время Босния боролась за само свое существование, а югославские войны во второй половине 90-х северным республикам дали довольно спокойные рамки демократического существования (Словения, Хорватия, Босния-Герцеговина), а на юге, где политический режим оказался в руках реваншистски настроенной номенклатуры (малая Югославия) трагические события сопровождали общество до тех пор, пока правящая верхушка не была люстрирована самым радикальным образом.

В восточной Европе провести жесткое разделение на регионы довольно сложно, а вот постсоветское пространство разделилось достаточно легко по границам республик бывшего СССР. Первым «транзитным регионом» можно назвать страны Прибалтики: присоединенные к СССР довольно поздно, они воспринимались Западом совсем иначе, чем иные советские республики. Там процесс демократизации проходил относительно спокойно, хотя и не избежал кровавых эксцессов (Вильнюсские события). Еще одним регионом можно назвать «восточнославянский» - Украина и Беларусь, относительно стабильно демократизирующиеся в 90-х годах, хотя демократия в Беларуси превратилась в авторитаризм, что сближает республику с третьим регионом – Средней Азией, где становление автократий стало единственным способом предотвратить распад государств. Кавказский регион с транзитологической точки зрения дал случаи конфликтного, кризисного становления демократических режимов, а далее мы сталкиваемся с таким интересным феноменом, как наложение «региона транзита» на политическую карту постсоветского пространства: так, по мнению В. Цымбурского, события на Северном Кавказе в начале 90-х укладывались в общую логику развития кавказского региона.

Россия стала шестым «транзитным регионом» в постсоветском пространстве, но процессы и события внутри нее нередко свойственны для иных регионов: становление автократии в Кузбассе, нестабильном урбанизированном регионе, в 1989 и 1997 годах изменявшем очень многое в контексте внутренней политики государства; довольно успешный демократический транзит на Урале; особый колорит политической динамики на Северном Кавказе, входящем в состав РФ, становление мягкой автократии в России в 2000-х годах, а также сложный процесс становления иерархии постсоветских региональных и государственных элит, особенно на примере Украины. По утверждениям Т. Парсонса, социолога-теоретика, основоположника структурного функционализма, совокупная сфера политики представляет собой часть общей системы общества, которая теснейшим образом связана с функцией достижения

стратегических целей страны[10,567] . Политическая сфера жизни, как правило, не исчерпывается лишь реализацией функций государственного управления. Одной из ее функций, особенно ярко выраженной в демократических социумах, является представительство и защита интересов различных слоев населения, инструментом чего и призваны служить политические партии. Одним из последствий того, что многие страны с «гибридными» политическими режимами («серой зоны» демократии) на протяжении конца 1990-х и начала 2000-х годов так и не сумели перейти к консолидированной демократии, стало возникновение вопроса о состоятельности использования по отношению к ним самого термина «демократического транзита». В ряде стран можно было проследить возникновение циклической модели, при которой периоды либерализации и консервации политических режимов сменяли друг друга, не приводя к сколько-нибудь существенному прогрессу демократических институтов. При этом укоренившаяся властная элита или ее конкурирующие группы сумели обеспечить самовоспроизводство власти и сохранение за собой некоторых типично авторитарных инструментов борьбы с оппонентами (зависимая правовая система, административный ресурс на местах).

Процесс демократического транзита для посткоммунистических стран, таким образом, может идти по разным траекториям. Это может быть и консолидация по принципу либеральных демократий, и симбиоз демократических институтов с авторитарными.

Итак, главными критериями демократичности государства является наличие институтов политического представительства и институтов оспаривания. К первым относится эффективная избирательная система, соблюдение принципа равенства, обеспечения равных возможностей гражданам. Ко вторым - способность государственной и политической системы исправлять допущенные ошибки, откликаться на запросы граждан, потребности и инициативы социальных групп общества, реальное обеспечение свободы слова, информации, мнений, объединений. Грань между авторитарным, демократическим, и промежуточными вариантами лежит в способности граждан избирать власть, реально занимающуюся решением их проблем. При авторитарном режиме проблемы решаются только в плане заинтересованности в этом государства и его лидера. При демократическом строе государство служит гражданам, объединенным в гражданское общество. При промежуточном варианте пассивность сторон и их заинтересованность в развитии общества носит временный характер. В зависимости от степени консолидированности демократии, конструкции структуры государственной власти и степени гражданского общества страна может занять различное положение на условной шкале демократичности-авторитарности правящего режима. Исторический опыт и политическая реальность в большинстве стран постсоветского

пространства такова, что большинство из них продолжает дрейфовать в промежуточной, «серой зоне».

Список литературы / References

1. *Божанов В.* Пути модернизации современного государства // Бел. думка. 2006. № 4; с. 43.
2. *Бульбенюк С.* Проблемы демократизации Украины: теоретический и прикладной аспекты / Светлана Бульбенюк // Политический менеджмент. 2008. № 3 (30). С. 62-70.
3. *Виноградов В.Д.* Уроки демократии: что дальше?// Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2006. Вып. 4. с. 23.
4. *Вонсович С.* Политический транзит: вариативность подходов. // Вестник ВГУ. 2015, № 1. с. 98.
5. *Гельман В.Я.*, «Постсоветские политические трансформации: наброски к теории» // Общественные науки и современность. 2001, № 1. с. 82.
6. *Давыдов А.Г.* Сербский Мир. Екб, «Издательские решения», 2015.
7. *Кирдина С.Г.* Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 1. с. 106.
8. *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях.// Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 6-17.
9. *Панов М.И., Герасина Л.М.* «Політико-правові інститути сучасності: Структура, функції, ефективність: Монографія» К.: Концерн «Видавничий Дім Ін Юре», 2005. - 384 с.
10. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. с. 567-568.
11. *Титаренко Л.Г.* Постсоветская трансформация демократии: западные и отечественные интерпретации // Философия и социальные науки. 2008, №1. с. 97.
12. *Федоринов В.Е.* Концепт локальной демократии в транзитологической парадигме. // Вестник ВГУ. 2013, № 2. С. 57.
13. *Хазов А.* Характеристика политических режимов в постсоветской России. // Власть, 2012, № 2. С. 112.
14. *Чайко И.В.* Проблемы исследования режимных трансформаций. // Политическая концептология № 1, 2013. с. 131.
15. *Michael Burawoy* "Neoclassical Sociology: From the End of Communism to the End of Classes." *American Journal of Sociology* 106(4): 1099-1120, 2001.
16. *Michael McFaul*, "Transitions from Postcommunism", *Journal of Democracy*, July 2005, P. 5-19.

17. *Steven Levitsky and Lucan A. Way*, "Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War" (New York: Cambridge University Press, 2010), P. 517.
18. *Marina S. Ottaway*, "Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism", Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2003. P. 276.